

Анна Сергеевна Заколотная¹ (zakolodnay@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОЕКТЫ ЗАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы заселения Дальнего Востока России с середины XIX до начала XX в., связанные с обеспечением безопасности данных территорий. Отмечено, что на протяжении этого периода появлялись различные проекты, целью которых было ускорить увеличение численности населения региона. Толчком к их разработке могло стать ухудшение внешнеполитической обстановки на восточных границах Российской империи, значительное снижение числа мигрантов. Подбор переселенческого контингента также рассматривался с точки зрения решения вопросов безопасности. Несмотря на отсутствие в законодательных актах запрета на переселение в Приамурский край иностранцев, создание ими здесь значительных по размеру компактных поселений признавалось нежелательным. Межведомственный спор вокруг «отвода Духовского» поставил на повестку вопрос о том, какое из сословий — казачество или крестьянство — наиболее полно отвечает задачам колонизации, главными из которых считались максимально плотное заселение территории для предотвращения проникновения китайцев и корейцев, увеличение производства местных продуктов, а также численности лиц, подлежащих мобилизации в случае начала военных действий.

Ключевые слова: Дальний Восток России, переселение, безопасность, иностранные колонисты, крестьянство, казачество.

Anna S. Zakolodnaia¹ (zakolodnay@mail.ru)

SECURITY PROBLEMS OF THE FAR EASTERN BORDERS OF THE RUSSIAN EMPIRE: PROJECTS OF POPULATION OF THE REGION AND THEIR IMPLEMENTATION

The article discusses the issues of settlement of the Russian Far East from the middle of the 19th to the beginning of the 20th century related to ensuring the security of these territories. The impetus for their development could be a deterioration in the foreign policy situation on the eastern borders of the Russian Empire, a significant decrease in the number of migrants. The selection

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

of the resettlement contingent was also considered in terms of addressing security issues. Despite the absence in the legislative acts of a ban on the resettlement of foreigners to the Priamurskiy kray, nevertheless, their creation of large compact settlements here was considered undesirable. The interdepartmental dispute over the withdrawal of Dukhovskiy put on the agenda the question of which of the estates, the Cossacks or the peasantry, best meets the tasks of colonization. The main reasons of which were considered the most dense settlement of the territory to prevent the penetration of Chinese and Koreans, an increase in the production of local products, as well as the potential number of people who could be put into operation in the event of hostilities.

Keywords: Russian Far East, resettlement, safety, foreign colonists, peasantry, Cossacks.

После присоединения дальневосточных территорий к России встал вопрос об обеспечении их безопасности. Одной из самых эффективных мер для решения этой проблемы признавалось переселение сюда крестьян. Наибольшие опасения вызывал ближайший сосед — Китай. Нередко его действия служили для российских властей своеобразным толчком к разработке и реализации мер по заселению юга Дальнего Востока, особенно когда отношения между двумя государствами значительно ухудшались. Как, например, в конце 70-х гг. XIX в. в связи с Кульджинским кризисом. Тревогу у местной администрации вызывали и иные события. Так, военный губернатор Приморской области в декабре 1880 г. в донесении командующему войсками Восточно-Сибирского военного округа указывал, что от торгующих с китайцами гольдов были получены сведения, затем проверенные им вместе с приграничным комиссаром, о том, что гарнизоны приграничных городов соседнего государства были усилены регулярными войсками, до 5 тыс. чел. в каждом. Губернатор также отмечал, что Китай приступил к заселению Маньчжурии, это, по его мнению, являлось актом «высочайшей государственной мудрости», так как в случае войны придётся иметь дело с «народом, для которого земля, возделанная таким трудом, составляет Святыню, Китаец не уходит с земли, законно ему принадлежащей, при подобных условиях военные успехи против многомиллионного населения, пассивно сопротивляющегося, сведутся к нулю» [РГИА ДВ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 4. Л. 36 об. — 37]. В качестве наиболее эффективной меры для предотвращения наплыва китайцев на российскую территорию он предлагал нанести удары по главным центрам Маньчжурии, пока она ещё не заселена.

В итоге был найден иной способ решения проблемы. Так, во всеподданнейшем отчёте генерал-губернатора Восточной Сибири в 1879 г. предлагалось незамедлительно принять меры по скорейшему заселению Южно-Уссурийского края, а также выделить финансовые средства для оказания помощи переселенцам, так как опыт предыдущих лет показал, что число

крестьян, имеющих возможность приехать самостоятельно, весьма невелико [9, с. 5]. Фактически предлагалось противопоставить китайскому заселению приграничных земель активное заселение российских дальневосточных территорий. Схожего с точкой зрения генерал-губернатора Д.Г. Анучина мнения придерживался и военный губернатор Приморской области М.П. Тихменев. В записке «О заселении Приморской области» он писал: «...известный участок Приморского края нужен для Государства как квартира для помещения определённой силы, пребывание которой здесь признаётся необходимым для обеспечения политических интересов Государства» [9, с. 22].

Таким образом, предполагалось, что реализация проекта позволит обезопасить дальневосточные границы империи от возможных посягательств со стороны Китая, сократить расходы на содержание армии, популяризировать морские перевозки среди крестьян и привлечь в край население, способное создать на новом месте экономически сильные хозяйства [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24. Л. 67 об. — 68]. Необходимо отметить, что планы пересматривались несколько раз, и если в самом начале предполагалось в течение первых трёх лет переселить в Южно-Уссурийский край 9500 семей, то потом их количество было сокращено до 750 (по 250 в год) [РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 108. Л. 6]. Как отмечалось в одном из документов Министерства внутренних дел, лучше «хотя и медленно, но настойчиво и постоянно идти к цели, нежели... не предпринимать никаких действий», тем более «в политических видах важно не то количество семей, которое будет туда перевезено в виде опыта, а действительно их там появление, как доказательство желания России владеть этим краем не только по букве трактатов, но и на деле, при помощи вооружённой силы, опирающейся на местное русское население» [9, с. 102—103]. Так, в отчёте Переселенческого управления за 1883 г. сообщалось, что 11 новых селений «расположились по меридиану полосой... заполнив пробелы в населении Суйфуна, они выдвинули три селения на соединения с населённой местностью возле оз. Ханки и утвердились на р.р. Майхэ и Лефу. Закрывая русскою грудью границу, ряд селений обеспечивал главный торговый путь края...» [6, с. 133].

Однако поставленных целей достигнуть не удалось. В 1894 г. в Приморской области проживало 152 220 чел., в Амурской — 121 516 чел. [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 97. Л. 117 об.]. Это население было не в состоянии обеспечить войска необходимым количеством продуктов питания, недостаток которых компенсировался поставками продовольствия из Одессы, а также из Америки, Китая и Японии. На заседании Комитета Сибирской железной дороги 24 февраля 1893 г. императором было объявлено, что: «Историческая задача России — насаждение на побережьях Тихого океана оплота нашему политическому и экономическому могуществу на востоке — далеко не выполнена, и принятые в этом отношении меры не дали ещё вполне благоприятных результатов...» [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 97. Л. 121].

В дальнейшем появлялись и другие предложения по заселению Дальнего Востока. Так, в начале января 1914 г. уполномоченный Главного управления землеустройства и земледелия в Амурской области Н.К. Шуман представил свой проект колонизации территории. Возможно, к этому автора подтолкнуло значительное снижение числа переселенцев в Амурскую область, вызванное началом Первой мировой войны.

Во введении документа Н.К. Шуман указал на тот факт, что Амурская область граничит с Северной Маньчжурией, пустынные пространства которой в последние 10 лет активно колонизируются китайцами. При этом в 1914 г. население первой составляло всего 300 тыс. жителей, а в последней насчитывалось более 5 млн чел. Кроме того, ежегодно в Амурскую область в среднем прибывало 15 тыс. чел., тогда как только в отдельные провинции Северной Маньчжурии (Хейлунцзянскую и Гириинскую) — минимум 45 тыс. чел. [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 1].

Изменить ситуацию, по замыслу чиновника, могло заселение области крестьянами. Н.К. Шуман подчёркивал, что «как политическому фактору, земледельческой колонизации, бесспорно, следует отнестись первое место, так как только тогда, когда во всех частях Амурской области мы встретим русского крестьянина, можно будет спокойно сказать, что Амурская область принадлежит всецело и неотъемлемо на вечные времена нам... первым и пока единственным средством сделать Амурскую область и вообще Дальний Восток русским, вызвать развитие всех возможных здесь видов промышленности, превратить Амурскую дорогу из убыточной в доходную и возратить России затраты на область, — является заселение её русскими крестьянами...» [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 4 об. — 5].

По мнению Н.К. Шумана, темпы прироста населения на Дальнем Востоке являлись низкими из-за следующих причин: во-первых, к началу XX в. был исчерпан фонд лёгких в обработке земель; во-вторых, из-за особенностей климата подъём целины требовал больших затрат, чем в других местностях; в-третьих, продукты первой необходимости имели высокую стоимость [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 8].

Чиновник считал, что колонизация Амурской области должна идти последовательно, и при этом нужно учитывать: площадь земель, пригодных для сельского хозяйства; срок, в который необходимо заселить местность; размер возможного финансирования на «эффективную единицу колонизации», под которой Н.К. Шуман понимал одно трудовое крестьянское хозяйство [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 12]. Согласно его собственным вычислениям, в Амурской области находится чуть менее 27,5 млн десятин земли, отвечающей потребностям сельского хозяйства [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 3 об.]. Уполномоченный был абсолютно уверен, что если государство смогло выделить 300 млн руб. на строительство железной дороги, то и на переселение «в средствах задержек не будет». Он утверждал, что у государства есть только 10 лет, чтобы создать в области «возможно густое приграничное население», однако признавал допустимым

увеличение этого срока до 15 лет из-за необходимости проведения ряда подготовительных работ, которые займут не менее 3 лет.

Согласно представленной в проекте Н.К. Шумана схеме, начиная с 1914 по 1928 г. в Амурскую область должно переселиться: в 1914 г. — 15 тыс. чел., в 1915 г. — 25 тыс. чел., в 1916 г. — 35 тыс. чел., а далее ежегодно с 1917 по 1919 г. — 46 080 чел., с 1920 по 1922 г. — 69 120 чел., с 1923 по 1925 г. — 99 840 чел., с 1926 по 1928 г. — 122 880 чел. Итого за 15 лет население области планировалось увеличить на 1 088 760 чел. [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 6].

Н.К. Шуман предлагал открыть на местах выхода крестьян районную агентуру, которая будет находить желающих приехать именно на Дальний Восток, а также осуществить ряд подготовительных работ: проложить дороги и провести водоснабжение, осушить, расчистить от леса и распахать небольшое количество целины. Такие меры предполагалось принять для того, чтобы сделать земельный фонд Амурской области более привлекательным для потенциального переселенца.

Переезд каждой конкретной семьи, по проекту чиновника, необходимо было организовать следующим образом. Крестьянская семья, а лучше — её мужская часть, в конце сентября прибывает в область. Там предлагается выбрать либо совершенно не подготовленный (кроме осушения и раскорчёвки определённой части) отруб и ссуду в полном размере, либо отруб с готовой к посеву распашкой в размере 3 десятин, но с удержанием из ссуды стоимости подготовительных работ. Далее переселенцы или самостоятельно строят дом из заготовленных при расчистке тайги материалов, или на полученную ссуду заказывают его возведение у переселенческой организации. В конце марта крестьянская семья выезжает в Амурскую область (если этого не произошло ранее), куда прибывает к началу полевых работ. Проезд до места назначения оплачивается за счёт собственных средств [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 10—10 об.]. По расчётам Н.К. Шумана, расходы на переселение одной крестьянской семьи с учётом денежной ссуды в размере 400 руб. составят 1720 руб. За эти деньги государство гарантированно получит «одно прочно устроенное крестьянское хозяйство». Всего же для переселения более 1 млн крестьян в Амурскую область за 15 лет необходимо выделить 70 382 124 руб. [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 15]. Вероятно, автор проекта не считал эту сумму обременительной для бюджета страны, поскольку был уверен, что заселение Дальнего Востока — это «вопрос чести и достоинства России» [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 9].

Однако предложения Н.К. Шумана не нашли поддержки. Заведующий переселенческим делом в Амурском районе С.П. Каффка 1 сентября 1916 г. направил генерал-губернатору Приамурского края Н.Л. Гондатти докладную записку, в которой подверг критике основные положения проекта планомерной земледельческой колонизации Амурской области, считая, что он обречён на неудачу ввиду крайней схематичности и экономической

необоснованности [РГИА ДВ. Ф. 391. Оп. 5. Д. 864. Л. 5]. С.П. Каффка обращал внимание на то, что все заключения основаны на собственном опыте Н.К. Шумана, весьма небольшом, полученном со времени прибытия в область в 1913 г. Так, ошибочными являются выводы о возможности земледелия на севере Амурской области, а также в местностях, расположенных ниже 640 м (300 сажень) над уровнем моря [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 864. Л. 3]. Соответственно предположение, что 1 млн переселенцев, разработав таёжно-каменистые и заболоченные земли, сможет произвести «миллионы пудов пшеницы, которая явится... серьёзным конкурентом дешёвого маньчжурского зерна», также неверно и опровергается данными исследований [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 864. Л. 3 об.]. Кроме того, заключал С.П. Каффка, Н.К. Шуман не предложил никаких новых методов проведения колонизационных работ, которые смогли бы изменить природные условия на севере области, обеспечив возможность развития здесь сельского хозяйства. Тогда как исследования Амурской экспедиции установили, что будущее севера связано с развитием промышленности. Единственное, с чем соглашался С.П. Каффка, — заселение Дальнего Востока действительно должно быть построено на «общих принципах планомерности».

Далее он подчёркивал, что мировая война поставила перед страной задачу всестороннего развития «национального народного хозяйства» как в центральных губерниях, так и на периферии. Колонизационная политика на Дальнем Востоке должна строиться с учётом сложившихся здесь политико-экономических условий: «наш союз с Японией... развитие экономической, в частности сельскохозяйственной жизни в северной Маньчжурии, ожидаемую постройку китайской железнодорожной линии Харбин-Айгунь... соперничество Японии и Америки, старающихся захватить рынки Китая, свободные от наводнявших их немецких фабрикантов и проч.» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 864. Л. 4 об.]. По мнению С.П. Каффки, программа развития Приамурья должна быть разработана совместными усилиями представителей всех министерств, связанных с этим краем. При её составлении необходимо в равной степени учитывать интересы как местного сельского хозяйства, так и торговли и промышленности, в частности золотопромышленности. Только таким образом можно создать условия, чтобы «Приамурье, экономически окрепнув, имело возможность успешно конкурировать с своими сильными соперниками на Дальнем Востоке» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 864. Л. 5 об.]. Что же касается Амурской области, то, подчёркивал С.П. Каффка, начиная с 1901 г. правительством принимались меры по её заселению в противовес усиленной колонизации Китаем Маньчжурии, и благодаря этому с 1901 по 1913 г. удалось достичь определённых успехов: «Зейско-Буренинская равнины и их лесисто-холмистые площади, охватывающие миллионы десятин земли... сплошь заселены», там возникли экономически сильные переселенческие посёлки, которые ежегодно давали области свыше 12 млн пудов зернового хлеба [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 864. Л. 4 об.].

Чтобы ускорить заселение Дальнего Востока и по возможности привлечь сюда население, владеющее более прогрессивными навыками ведения сельского хозяйства, особенно в первые годы после присоединения территорий, когда число жителей увеличивалось крайне медленно, появлялись предложения пригласить иностранных подданных [1, с. 120]. Так, по полученной генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым информации, среди славян, проживавших в Соединённых Штатах Америки, имелось много желающих переселиться в Амурский край. Амурский комитет принял решение, впоследствии одобренное императором, направить коллежского асессора А.И. Малиновского в Америку, где он под руководством русского посла Э.А. Стекла должен был собрать как можно больше информации по данному вопросу.

Одновременно с А.И. Малиновским в США отправился подполковник Д.И. Романов, которому поручили строительство телеграфной линии вдоль Амура. В целях изучения опыта иностранных государств он посетил ряд европейских стран и Америку и в ноябре в 1861 г. прибыл в г. Расин (штат Висконсин), который являлся духовным центром чешской диаспоры в Соединённых Штатах. Переговоры с местными славянами не входили в круг обязанностей подполковника, тем не менее он счёл это необходимым и подготовил объёмный доклад, посвящённый данному вопросу. Д.И. Романов указал, что славянское (преимущественно чешское) население проживает в 18 североамериканских штатах, но большая часть славян находится в штате Висконсин, главным образом вокруг г. Расин; установить общую численность их достаточно трудно, приблизительно она составляет 80 тыс. чел. Подполковник также отмечал, что чехам чужд образ жизни американцев, ставящих спекуляции и деньги на первое место. Он утверждал, что известие о возможности переселиться на Амур заинтересовало многих: американские славянские газеты опубликовали Высочайше утверждённые правила заселения Амурского края, а также карту Амурской области. Единственное, что удерживало людей в США, — недостаток средств. По его мнению, американские славяне являются одними из лучших колонистов: прибыв в Америку, они, несмотря на трудности, сумели создать собственные хозяйства и приобрели таким образом опыт успешного переселения. Кроме того, Д.И. Романов предполагал, что если переезд чехов на Амур и их устройство там пройдут успешно, то в дальнейшем можно рассчитывать на изменение направления европейской эмиграции. Славянские колонисты, ранее отправлявшиеся за счёт собственных средств в Америку, возможно, станут выбирать в качестве нового места жительства Амур, причём без всякой помощи со стороны российского правительства. Подполковник утверждал, что «...поддержка славянской народности, в случае сбывшегося переселения на Амур, произведёт сильное впечатление на всё славянство, и поднимет высоко имя Русского Императора во всём славянском мире. Поэтому уже одно это, великой политической важности обстоятельство

достаточно, чтобы заставить настойчиво желать переселения американских славян в Амурский край» [8, с. 140—143].

Схожее мнение было и у специально направленного в США А.И. Малиновского. Он утверждал, что около 200 семей желали бы отправиться на российский Дальний Восток. В конце декабря коллежский асессор отправился из Нью-Йорка в Европу вместе с двумя представителями чешской общины. Согласно его точке зрения, их приезд в Россию, с одной стороны, «убедит неверующих в действительном желании чехов выселиться в новые русские владения», а с другой — сделает так, что депутаты «увидят сами быт свободных переселенцев на Амуре, применение правил для поселения русских и иностранцев на деле, и, таким образом, вопрос о их гражданских и политических правах будет гораздо легче решён вместе с ними» [РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2474. Л. 41 об. — 42, 77]. А.И. Малиновский, как и Д.И. Романов, считал, что положительный опыт устройства чехов в Амурском крае станет толчком для европейских славян, переориентирует их переселяться на российский Дальний Восток.

Представители американских чехов Франта Мрачек и Ян Барта Летовский прибыли в Приамурский край летом 1862 г., в начале 1863 г. они возвратились в Петербург, а 3 марта того же года вручили М.С. Корсакову доверенности от нескольких общин и прошение к императору разрешить 1000 семей переселиться из Америки, а также предоставить им определённый ряд прав и привилегий [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Л. 94. Л. 63—63 об.].

Расчёты Особого комитета показали, что для удовлетворения всех требований чехов необходимо 1 430 000 руб. Понимая, что данная сумма весьма значительна для государственного казначейства, комитет тем не менее считал, «что подобная затрата капитала должна сопровождаться самыми полезными последствиями для благосостояния Приамурского края, упрочив в нём ядро образованного и трудолюбивого населения, и что с другой стороны правительственные по этому предмету расходы могли бы в скором времени вознаграждаться сбережениями от сумм, на различные снабжения для находящихся в Приморской области войск и флота ассигнуемых, ибо Правительство наше, будучи в продолжение первого периода этого заселения единственным покупателем хлеба и других сельских произведений, имело бы возможность приобретать от переселенцев эти припасы дешевле, чем они обходятся ныне» [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 63 об. — 64]. Против этой точки зрения выступил контр-адмирал П.В. Казакевич. Поддерживая идею скорейшего заселения Приамурского края, он тем не менее считал, что нужно «положить сначала прочное основание русскому заселению, а потом уже обратить внимание и денежные средства, если последние найдутся, на привлечение в этот край иностранных эмигрантов и на устройство из них колоний, но без всякого предоставления им при этом каких бы то ни было особых прав или преимуществ перед русскими переселенцами...» [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 64 об.]. По мнению контр-адмирала, с политической точки зрения

было бы ошибкой разрешать водворение иностранцев в малонаселённый край, учитывая тот факт, что чехи исповедовали католичество, а «самый дух пропаганды, столь свойственный римско-католическому духовенству, может повлечь к столкновениям с русской правительственной властью и послужить поводом к созданию политических затруднений» [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 64 об.]. С его точкой зрения согласился генерал-губернатор М.С. Корсаков, опасавшийся возможного распространения католичества среди местного населения, оценивавший это как «вредное в религиозном отношении влияние» [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 64 об. — 65]. Данные утверждения во многом совпадали с замечаниями, ранее высказанными послом Э.А. Стеклем И.А. Малиновскому: посол обращал внимание последнего на тот факт, что американское славянское население имеет достаточно радикальные политические и религиозные взгляды [РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2474. Л. 37—37 об.]. Прошение чехов Сибирский комитет так и не передал императору, а междуведомственная переписка продолжалась ещё несколько лет. На заседании Комитета министров, состоявшемся 26 мая 1865 г., было принято окончательное решение, впоследствии утверждённое императором: «разрешение вопроса о переселении чехо-славян на Амур отложить до более благоприятного времени» [РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2474. Л. 129—129 об.; РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 67]. Только через 5 лет чешским колонистам разрешат переселение в Россию, но не на Дальний Восток, а в Вольнскую губернию [8, с. 154].

Интерес к российским дальневосточным территориям имелся не только у славян. В 1869 г. русский посланник в г. Пекине Е.К. Бюцов просил генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова уточнить, разрешено ли поселение иностранцев на Амуре, ссылаясь на поступившие запросы проживавших на Филиппинах англичан, а также в связи с тем, что во время его пребывания в Японии к нему неоднократно обращались иностранцы за разъяснениями относительно покупки на Дальнем Востоке земли в собственность. В полученном Е.К. Бюцовым ответе указывалось, что водворение иностранцев в крае не запрещено, но не поощряется в связи с необходимостью увеличить здесь прежде всего русское население [7, с. 49].

Вопрос о возможности заселения Дальнего Востока иностранными колонистами будет рассматриваться властью и в будущем. В октябре 1897 г. генеральный консул Российского генерального консульства в Нью-Йорке А.Э. Оларовский направил С.Ю. Витте выписку «о причинах желая славян переселиться в Приморскую область», подготовленную протоиереем Александром Товтом, настоятелем православного храма в г. Вилькес-Бар в Пенсильвании, в которой последний сообщал о тяжёлых условиях жизни славян в Америке и просил для них разрешения переселиться в Приморскую область [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 1].

Протоиерей А. Товт обещал, что все колонисты будут не старше 45 лет, здоровы и «хорошего поведения», каждый возьмёт с собой не менее

500 руб. золотом и средства на оплату путевых расходов. При этом от российского правительства они желали бы получить на каждого мужчину от 20 лет по 30 десятин земли, на семью — пару лошадей, коров и волов, лес для построек, беспроцентную ссуду в размере 1000 руб. с выплатой через 20 лет, освобождение от налогов на 12 лет и от воинской повинности для лиц старше 16 лет. Особо стоит отметить, что переселенцы-униаты были готовы принять православие, а католики обещали воспитывать своих детей в православной традиции [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 20 об. — 21, 28—28 об., 32 об. — 33]. Данный вопрос несколько раз рассматривался в 1898 г. на заседаниях Подготовительной комиссии Комитета Сибирской железной дороги. На последнем заседании мнения разделились. Так, начальник Переселенческого управления действительный статский советник В.И. Гиппиус заявил, что в многоземельном и слабонаселённом Приамурском крае «нет решительно никакой почвы ни для развития рабочего вопроса, порождающего в Европе социалистические учения, и тем более для каких либо аграрных волнений», поэтому сомнения в политической благонадёжности просителей не являются достаточным основанием для отказа им [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 70]. Бывший Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской придерживался иной точки зрения. Он считал, что правительство поступило правильно, начав с 80-х гг. ограничивать права иностранных переселенцев в Приамурье и приняв решение заселять Дальний Восток исключительно русскими, так как только они смогли бы «с успехом противостоять влиянию соседних азиатских народов и служить правительству опорой для распространения на нашей восточной окраине русской гражданственности и культуры». С.М. Духовской также подчёркивал, что при колонизации Восточной Сибири на «первый план выдвигается вопрос не столько о количественном, сколько о качественном составе переселенцев», так как «успех этого дела всецело обуславливается строгим выбором последних, в видах заселения края вполне надёжным колонизационным элементом, которому предстоит стать в авангарде нашего поступательного движения на Восток и таким образом сыграть немаловажную роль в будущих судьбах России на Азиатском материке» [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 70 об.]. В итоговом решении Подготовительной комиссии указывалось, что иностранные подданные могут переселяться в Амурскую и Приморскую область при условии соблюдения ими всех указанных в российских законах требований [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 94. Л. 72—72 об.], однако конкретного постановления по обращению А. Товта принято не было.

Единственными иностранцами, не вызывавшими у российского правительства опасений, являлись старообрядцы, ранее эмигрировавшие в другие страны. Стоит отметить, что в данном случае наблюдалось изменение политики государства по отношению к этой категории населения, так как достаточно длительный период времени сектанты, в частности старообрядцы, не рассматривались в качестве желательных переселенцев по

причине возможности распространения ими своих религиозных убеждений в регионе, где влияние русской православной церкви считалось недостаточным из-за дефицита представителей официального культа и храмов.

На рубеже XIX—XX вв. возник вопрос о возвращении в Российскую империю старообрядцев из Австро-Венгрии и Румынии, которые хотели приехать обратно из-за угрозы ассимиляции, малоземелья и ряда других причин. Министр финансов С.Ю. Витте обсуждал с представителями старообрядческой Белокриницкой церкви возможность переселения в Маньчжурию. В 1903 г. Николаем II были одобрены «Правила о водворении русских подданных на участках, принадлежащих КВЖД», уравнившие в правах последователей старообрядчества и официального православия, но требовавшие селить их отдельными посёлками. Русско-японская война задержала реализацию этого проекта. Вопрос о возвращении зарубежных старообрядцев был поднят вновь после принятия в 1905—1906 гг. законов о веротерпимости и деятельности старообрядческих и сектантских общин. Благодаря работе Всероссийских съездов старообрядцев представителям Белокриницкой церкви удалось получить разрешение переселиться на Дальний Восток. В связи с этим правительство упростило для них процедуру принятия гражданства, предоставило ссудную помощь. Ожидалось, что в Приамурский край прибудет около 100 тыс. чел., однако размеры переселения оказались гораздо меньше. В определённой степени это было связано с деятельностью состоявшегося в 1910 г. первого общесибирского Иркутского миссионерского съезда, потребовавшего остановить рост раскола. Против выступил и русский посол в Вене князь Урусов, заявивший, что принятое решение в конечном итоге будет иметь ряд негативных последствий, таких как рост напряжённости в отношениях с заинтересованной в сохранении добропорядочных подданных Австро-Венгрией, возможность лишиться поддержки её пророссийски настроенной части населения в случае войны. Конфликты и противоречия, существовавшие между представителями различных течений старообрядчества, также отрицательно сказались на переселении. Так, съезды старообрядцев, приемлющих священство, были против того, чтобы их единоверцы переселялись при поддержке приемлющих Белокриницкую иерархию. Сложные, отличные от привычных природно-климатические условия заставили часть старообрядцев вернуться обратно [10, с. 45—46]. Несмотря на то, что навыки освоения старообрядцами новых, особенно таёжных, земель высоко оценивались, в их адрес нередко слышались и упреки в беспощадном истреблении зверей и леса. Через 2—3 года своей деятельности старообрядцы вынуждены были уходить глубже в тайгу в поисках новых, не тронутых человеком мест [2].

Стоит отметить, что вопрос о том, насколько та или иная категория населения отвечает задачам колонизации, поднимался не раз. Чаще всего сравнивались два сословия — казачество и крестьянство. Особенно часто этот вопрос стал возникать в связи с желанием Переселенческого

управления поселить крестьян на землях так называемого отвода Духовского. Неоднократно проводились изыскания с целью выяснить, какое из сословий лучше подходит для реализации задач заселения Дальнего Востока России. Особое внимание уделялось при этом выяснению степени развития хозяйства, использования наёмной рабочей силы, особенно иностранной, а также возможной эффективности каждой из категорий населения в случае возникновения военных действий. Например, в 1908 г. по инициативе Переселенческого управления было проведено обследование казачьих и крестьянских хозяйств Амурской и Приморской областей, которое показало, что средний размер земельного надела, находящийся в пользовании у казаков, составляет 197,7 десятин, у крестьян — 90,1 десятин, при этом земледелие было развито у последних лучше, чем у первых (доля крестьянских хозяйств с посевом более 20 десятин составляла 17,4%, у казаков — 4,9%), зато в казачьих хозяйствах имелось больше скота (лошадей и рогатого скота у казаков приходилось в среднем на хозяйство 5,5 и 5,8 голов, в то время как у крестьян — 4,4 и 5,5 соответственно) [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 212. Л. 5—5 об.]. 20 января 1910 г. Комитет по заселению Дальнего Востока, рассмотрев полученные в результате обследования 1908 г. данные, пришёл к выводу, что преимущество крестьянской колонизации состоит в «большей густоте заселения», что делает её предпочтительнее с точки зрения интересов «государственной обороны» [ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об. — 18]. Учитывая тот факт, что значительные размеры казачьих наделов не позволяют обрабатывать их наличным трудом из-за высокой стоимости рабочих рук, а последнее также является причиной развития здесь корейской и китайской аренды, Военное министерство не соглашалось с данными заключениями, считая, что при схожих условиях хозяйства казаков не уступают крестьянским по уровню экономического развития [ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 19].

Данный вопрос обсуждался не только на официальном уровне, но и в прессе. Так, в одной из статей прямо указывалось, что если «излишки казачьих земель» не поступят в переселенческий фонд, то пограничная полоса останется пустынной и на ней постепенно будут селиться китайцы и корейцы. Утверждалось также, что «роль уссурийского казачьего войска как известной боевой единицы уже сыграна», казаки должны стать крестьянами, а на освободившиеся земли можно «вливать» свыше 1 млн переселенцев [3]. В другой статье отмечалось, что 70% крестьянского населения наделено по норме 8—15 десятин на душу, поэтому размер казачьего надела выше крестьянского в 3 раза, а если учесть войсковой и казачий запас, то в 5—6 раз. Исходя из этого, автор публикации делал вывод, что на территории, где проживает 30 тыс. казаков, может быть поселено 150—180 тыс. крестьян. Земли, на которых размещены казаки, в силу политических, экономических и стратегических причин необходимо заселить максимально плотно. В статье подчёркивалось, что из-за «разреженности приграничной полосы край наводняется хунхузами, спугнутыми

с насиженных мест интенсивным заселением Маньчжурии и направляющихся в сторону наименьшего сопротивления» [4]. Казаки не смогли стать «пахарями-воинами», они сдают землю в аренду китайцам и корейцам, тем самым способствуя проникновению в край тех лиц, от которых должны его защищать [5]. Увеличение числа крестьян также позволит решить и «жёлтый вопрос», так как здесь сформируется собственный «солидный контингент рабочих рук». Далее отмечалось, что в случае необходимости Уссурийское казачье войско может выставить максимум 5,5 тыс. воинов, с неказачьего же населения контингент наличных войск и запас составит 12–14 тыс. чел., что в 2,5 раза больше.

Таким образом, вопросы заселения Дальнего Востока России всегда рассматривались с учётом необходимости обеспечения безопасности данного региона. При принятии решений о переселении сюда тех или иных групп населения принималась во внимание политическая обстановка не только в Восточной Азии, но и в Европе. Одной из причин фактического прекращения переселения зарубежных старообрядцев стало беспокойство об ухудшении отношений с Австро-Венгерской империей. Государство стремилось ограничивать прибытие переселенцев, чьё появление могло бы негативно сказаться на будущем развитии дальневосточных областей, отказывая в предоставлении какой-либо поддержки иностранным подданным. В начале XX в. спор двух ведомств вокруг «отвода Духовского» поставил на повестку вопрос о том, переселение какого из двух сословий максимально отвечает решению стратегических задач по обеспечению безопасности дальневосточного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А.Л., Зинятова М.Н. Попытка организации чехословацкой колонизации Дальнего Востока в середине XIX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2009. Т. XVI. Вып. 4. С. 119–123.
2. Далёкая Окраина. 1909. 13 марта. № 557.
3. Далёкая Окраина. 1910. 30 мая. № 910.
4. Далёкая Окраина. 1910. 15 июня. № 922.
5. Далёкая Окраина. 1910. 16 сентября. № 997.
6. Елисеев А.В. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1891.
7. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. унт-та, 2004. 372 с.
8. Носков В.В. Проект переселения американских чехов в Приморский край // Americana. Вып. 13. Россия и Гражданская война в США: материалы конф. Волгоград: ВолГУ, 2012. С. 134–158.

9. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. II. Переселение кругосветным путём. Общие основания. Иркутск: Тип. Н.Н. Сеницына, 1883. 213 с.
10. Сердюк М.Б. Переселение старообрядцев на Дальний Восток. Проекты и их осуществление // *Алтарь России. Большой Камень*, 1997. Вып. 1. С. 44—46.
11. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
12. РГАВМФ (Рос. гос. арх. военно-морского флота).
13. РГИА (Рос. гос. ист. арх.).
14. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Anisimov A.L., Zinyatova M.N. Popytka organizatsii chekhoslovatskoy kolonizatsii Dal'nego Vostoka v seredine XIX veka [Attempt to Organize the Czechoslovak Colonization of the Far East in the Middle of the 19th Century]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 2019, vol. XVI, iss. 4, pp. 119—123. (In Russ.)
2. *Dalekaya Ukraina*. 1909, 13 March, no. 557. (In Russ.)
3. *Dalekaya Ukraina*. 1910, 30 May, no. 910. (In Russ.)
4. *Dalekaya Ukraina*. 1910, 15 June, no. 922. (In Russ.)
5. *Dalekaya Ukraina*. 1910, 16 September, no. 997. (In Russ.)
6. Eliseev A.V. *Yuzhno-Ussuriyskiy kray i ego russkaya kolonizatsiya* [The South-Ussuri Region and its Russian Colonization]. Saint Petersburg, Tip. Tovarishchestva "Obshchestvennaya Pol'za" Publ., 1891. (In Russ.)
7. Nesterova E.I. *Russkaya administratsiya i kitayskie migranty na Yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [The Russian Administration and Chinese Migrants in the South of the Russian Far East (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. unt-ta Publ., 2004, 372 p. (In Russ.)
8. Noskov V.V. Proekt pereseleniya amerikanskikh chekhov v Primorskiy kray [The Project of the Resettlement of American Czechs in the Primorye Region]. *Americana*. Vyp. 13. Rossiya i Grazhdanskaya vojna v SSHA: materialy konf. [Americana. Iss. 13. Russia and Civil War in the USA, proceedings]. Volgograd, VolGU Publ., 2012, pp. 134—158. (In Russ.)
9. Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. T. II. *Pereselenie russkikh lyudey v Priamurskiy kray. Vyp. II. Pereselenie krugosvetnym putem. Obshchie osnovaniya* [Collection of the Most Important Official Documents on Governance of Eastern Siberia. Vol. II. Resettlement of Russian People to the Amur Region. Iss. II. Resettlement by Round-the-world. General Reasons]. Irkutsk, Tipografiya N.N. Sinityna Publ., 1883, 213 p. (In Russ.)
10. Serdyuk M.B. Pereselenie staroobryadtsev na Dal'niy Vostok. Proekty i ikh osushchestvlenie [The Resettlement of Old Believers in the Far East. Projects and Their Implementation]. *Altar' Rossii* [Russia's Altar]. Bol'shoi Kamen', 1997, vol. 1, pp. 44—46. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 10.01.2020